

НЕОЖИДАННЫЕ ПАРТНЕРЫ РОССИИ НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ

АНДРЕЙ БАЙКОВ, ИГОРЬ ИСТОМИН (отв. ред.)¹
МГИМО(У) МИД России, Москва, Россия

Резюме

Настоящий доклад продолжает серию аналитических материалов, посвященных российской внешнеполитической стратегии, подготавливаемых «Клубом учебной аналитики». Он вписывается в логику более широкого исследования существенных, но малоизученных аспектов внешней политики России, призванного дать глубокое, внутренне непротиворечивое объяснение ее международной деятельности (в противовес распространенным в прессе упрощенным и ангажированным оценкам) и сформулировать предложения по ее дальнейшему совершенствованию. Проведенный анализ подтверждает, что деятельность России на Ближнем и Среднем Востоке отражает объективно существующие потребности в поддержании стабильности крайне волатильного окружения. В то же время ее конкретное содержание становится результатом активного поиска наиболее эффективных путей их удовлетворения. Несмотря на то что в списке приоритетов в официальных документах регион находится далеко не на первом месте, он остается источником существенных вызовов интересам России и ее национальной безопасности. Прежде всего Москва испытывает опасения в связи с укреплением позиций радикального исламизма на Ближнем и Среднем Востоке. Кроме того, он стал полигоном для тестирования новых правил международной жизни, которые стремится внедрить и обосновать ряд центров силы. Россия открыто противостоит подобным попыткам. Основой российской политики в последние годы стало стремление выстраивать кооперативные отношения с большинством игроков в регионе. В условиях сохраняющейся острой конфликтности в отношениях между большинством стран Ближнего и Среднего Востока подобная стратегия предполагает гибкое маневрирование. Ее проведение требует признания рисков периодического «проседания» отношений с отдельными региональными игроками, которые компенсируются долгосрочными выгодами укрепления российских позиций. Благодаря активной многовекторной дипломатии и политическому маневрированию, России удастся отстаивать свои интересы в условиях дефицита экономических и силовых ресурсов внешней политики. Материальным основанием российского присутствия в регионе остаются компетенции в энергетической сфере, военно-техническое и космическое сотрудничество, поставки продовольственной и авиационной продукции.

Ключевые слова:

внешнеполитическая стратегия; социально-политические выступления; международно-политический регион; энергетические ресурсы; военно-техническое сотрудничество; внутренние конфликты; Ближний и Средний Восток.

¹ В написании доклада приняли участие Бардин А.Л., Егоров А.Е., Жданов П.А., Каневский П.С., Мизюркин Ю.А., Мусаева Л.А., Новикова В.М., Пахалюк К.А., Петухова Е.А., Путинцев И.С. Под общей редакцией к.полит.н., доц. А.А. Байкова, к.полит.н. И.А. Истомина. Доклад подготовлен в рамках проекта «Клуб учебной аналитики».

Для связи с авторами / Corresponding author:
Email: a.baykov@obraforum.ru

Ближний и Средний Восток (БСВ) регулярно попадает в фокус международного внимания. Он давно превратился в источник дестабилизирующих импульсов, воздействующих на мировую систему в целом. Как следствие, сложное переплетение многочисленных противоречий между представителями региона, его волатильность и неблагоприятные тенденции социально-экономического развития входящих в него стран формируют опасения среди ширящегося круга крупных международных игроков.

Россия входит в их число. Более того, прямо не относя Ближний и Средний Восток к числу приоритетных для нее подсистем мира, она, тем не менее, существенно активизировала политику на этом направлении в последнее десятилетие. На фоне других участников, вовлеченных в региональные взаимодействия, ее выделяет способность на относительно длительном промежутке времени сочетать конструктивное взаимодействие с различными игроками, которые зачастую воспринимают друг друга через призму соперничества и даже антагонизма.

В настоящем докладе авторы поставили задачу выявить, с одной стороны, конфигурацию партнерских отношений России со странами Ближнего и Среднего Востока с точки зрения ее усилий по укреплению международной стабильности и минимизации деструктивных импульсов исходящих из региона, а с другой – прагматику взаимоотношений со странами региона, определяемых российскими национальными интересами. В конечном счете смысл статьи – оценить степень устойчивости такой конфигурации в условиях меняющейся международной конъюнктуры.

1

Политическая конкуренция на Ближнем и Среднем Востоке носит многоплановый и многоуровневый характер. Она диктуется наличием разных по своей природе противоречий, наложение которых формирует проблемную матрицу региона. В ее основе лежат четыре ключевых особенности стран:

гипертрофированное экономическое расчленение государств региона, борьба за влияние и лидерство между региональными и внерегиональными игроками, нестабильность существующей социально-политической модели, конфликт идентичностей.

Значение, которое Ближний и Средний Восток приобрел в современном мире, определяется *не только влиянием ситуации в регионе на состояние международной безопасности, но и его сохраняющейся значимой ролью в мировом хозяйстве*. При этом последняя, понятно, связана с крайне узкой сырьевой специализацией. Энергетический потенциал Ближнего и Среднего Востока – один из ключевых факторов роста заинтересованности к региону со стороны ведущих держав. Он также способствовал стремительному обогащению отдельных стран и повышению их способности проецировать влияние не только внутри региона, но и глобально.

Суммарный ВВП региона равняется 3,7 трлн. долларов, но распределен крайне неравномерно. Богатые энергоресурсами государства Персидского залива разительно выделяются на фоне своих менее удачливых соседей [Economic Growth...: 18]. Лишь немногие государства БСВ, такие, как Израиль и Турция, смогли избежать действия негативных эффектов **«ресурсного проклятия»**, то есть *добились существенных социально-экономических успехов без опоры на добычу полезных ископаемых*. Между тем большинство стран Ближнего и Среднего Востока озабочены поиском внешних источников решения своих социально-экономических проблем.

На фоне существенного расслоения не вызывает удивления стремление ряда крупных региональных держав (прежде всего Ирана, Турции и Саудовской Аравии) обеспечить в нем свое доминирование. Подобные попытки осуществляются в контексте разворачивающейся конкуренции ведущих мировых игроков за влияние в регионе, среди которых наибольшую активность проявляют США, Китай и Европейский Союз.

К середине 2010-х годов конфигурация стран на Ближнем и Среднем Востоке де-

терминируется в первую очередь формированием широкой, неформальной антииранской коалиции. Ее «скрепляющим материалом» становится тотальное недоверие к Тегерану, который воспринимается в качестве ревизионистской державы, стремящейся к коренной перекройке регионального порядка (при том что другие ведущие государства также выступают за его преобразование при собственной ведущей роли). Наиболее активными членами коалиции выступают Катар, Саудовская Аравия, Израиль и Турция, которые к тому же то и дело ссылаются на поддержку Соединенных Штатов Америки.

Меж тем Вашингтон придерживается скорее амбивалентной позиции. Это проявляется в его осторожной линии в отношении сирийского кризиса и готовности к переговорам с Тегераном по поводу ядерной программы. Влияние коалиции также сдерживается внутренними противоречиями и конкуренцией между ее участниками.

Опора экономик государств БСВ на экспорт углеводородов сделала государства региона зависимыми от состояния мировой конъюнктуры и от экономического положения в развитых странах. Быстрый рост молодого населения при сохранении авторитарного способа правления (когда элиты поддерживают свою легитимность, прежде всего, за счет перераспределения природной ренты) на протяжении последних десятилетий сделал существующую модель развития большинства государств менее устойчивой, чем еще 10-15 лет назад. Проблемы региона обострились на фоне пробуксовки мировой экономики – экономический рост после кризиса 2008 г. в странах Ближнего и Среднего Востока постоянно замедляется и, по прогнозам Мирового банка, составит на конец 2013 г. в среднем 3,2%. Это существенное снижение по сравнению с 5,7% в 2012 году [Economic Growth...: 18]. Политические последствия неблагоприятных экономических тенденций проявились в наблюдаемом с 2010 г. росте социальной напряженности, которая вылилась в открытые социально-политические выступления и даже свержения ряда

региональных правительств. В результате из числа самостоятельных региональных игроков на какое-то время выпал Египет, а Сирия превратилась в основной театр борьбы между Тегераном и антииранской коалицией.

Сложность этноконфессиональной карты региона предопределяет одну из констант региональной ситуации – противоречия, обусловленные соперничающими идентичностями. В последнее десятилетие традиционная напряженность в отношениях между арабским большинством и многочисленными региональными меньшинствами, а также внутри этнических групп между противоборствующими кланово-племенными образованиями стала дополняться обостряющимся противоборством между различными ветвями и традициями ислама, который ранее выступал в качестве фундаментального консолидирующего начала.

Укрепление небольших, но хорошо организованных радикальных организаций экстремистской направленности формирует новые линии раздела. Показательным стало развитие ситуации в Ираке в 2004-2007 годах, где появление собственной «франшизы» Аль-Каиды и ее жестокость по отношению к местному населению и традиционным институтам власти (авторитетным племенным шейхам) фактически спровоцировали гражданскую войну внутри суннитской общины.

Радикальное исламистское движение становится третьей основной стороной в региональной конкуренции. Его деятельность способствует дальнейшей дестабилизации Ближнего и Среднего Востока. Одновременно растущая разбалансированность регионального порядка обеспечивает его подпитку.

Образующийся под влиянием перечисленных противоречий и проблем конфликтный узел в регионе провоцирует регулярные вспышки дестабилизации в отдельных его частях, эскалация которых требует не менее регулярного вмешательства международного сообщества. В настоящее время очагами конфликтности на Ближнем и Среднем Востоке выступают

Сирия, в которой на протяжении уже двух с половиной лет идет гражданская война; Египет, в связи с продолжающейся борьбой умеренных и исламистских сил, а также военного истеблишмента за власть в стране; Ливия, переживающая стремительную утрату государственности и распад на де-факто автономные региональные образования. Кроме того, повышению напряженности способствуют продолжение палестино-израильского конфликта и трудности диалога по иранской ядерной программе.

Переплетение существующих проблем очевидно вызывает озабоченность России. При определении региональных приоритетов в регулярно обновляемых концепциях внешней политики страны, включая последний документ, опубликованный в феврале 2013 года, Ближний и Средний Восток неизменно оказывается в конце списка. В то же время график визитов руководителей министерства иностранных дел и тематика их встреч с иностранными партнерами свидетельствуют, что в действительности к нему приковано пристальное внимание отечественной дипломатии. Подобное расхождение определяется, по видимому, тем, что Концепция внешней политики ориентирована на выявление ключевых международных партнеров, к числу которых относятся непосредственные соседи России и крупнейшие мировые центры силы. Страны БСВ, очевидно, не попадают ни в одну из этих категорий.

На этом фоне в публицистических кругах российская вовлеченность в решение проблем на Ближнем и Среднем Востоке связывается исключительно с ее статусными претензиями на роль ведущей мировой державы с глобальными интересами. Политика Москвы оценивается как имиджевая, а следовательно, воплощающаяся преимущественно во внешнеполитической риторике.

В то же время Стратегия национальной безопасности до 2020 года — еще один важ-

нейший доктринальный документ, определяющий внешнюю политику страны, — выделяя негативные тенденции современного мирового развития, в первую очередь, подчеркивает: «Между государствами обострились противоречия, связанные с неравномерностью развития в результате глобализационных процессов, углублением разрыва между уровнями благосостояния стран. Ценности и модели развития стали предметом глобальной конкуренции. Возросла уязвимость всех членов международного сообщества перед лицом новых вызовов и угроз»². Представленный анализ в полной мере приложим к Ближнему и Среднему Востоку. Более того, на уровне региональных подсистем современного мира именно в нем выявленные источники угроз проявляются наиболее ярко.

Хуже того: в развитии ситуации на Ближнем и Среднем Востоке заложен потенциал переноса дестабилизации на постсоветское пространство, остающееся регионом концентрации ее жизненно важных интересов, и даже на собственную территорию России. Подобное развитие событий может быть связано, прежде всего, со становлением и укреплением транснационального радикально-исламистского сообщества. Тревогу вызывает то обстоятельство, что его представители последовательно и открыто объявляют Россию в качестве легитимной цели пропагандистской и экстремистской деятельности.

Кроме того, конфликтные ситуации на Ближнем и Среднем Востоке становятся полигоном обкатки новых политико-нормативных подходов. В этот процесс вовлечены как ведущие мировые центры силы, так и региональные игроки. Их действия размывают устоявшиеся принципы международного права, которым дается новая интерпретация, происходит экспансия национальных правовых систем отдельных государств, выражающаяся в экстерриториальном применении собст-

² Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. N 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года». 19 мая 2009 г. URL: <http://www.rg.ru/2009/05/19/strategia-dok.html>

венных норм. Между тем Россия рассматривает международное право при отстаивании собственных интересов на мировой арене в качестве одного из основных инструментов, обеспечивающих экономию дефицитных экономических, военно-силовых и политико-дипломатических ресурсов. В этих условиях эрозия сложившейся международно-правовой системы, как и ее ревизия без учета ее мнения, может привести к утере Москвой конкурентных преимуществ.

Таким образом, политика России в регионе направлена на достижение вполне реальных, а не только виртуальных, репутационных задач. Хотя противоречия в регионе не создают непосредственную угрозу безопасности страны, они закладывают в себе мощный потенциал деградации ее международного окружения, подрыва фундаментальных основ российской внешней и внутренней политики. В этих условиях приоритетное внимание Москвы региональной повестке дня БСВ представляется закономерным и оправданным.

В то же время российская политика в отношении Ближнего и Среднего Востока обусловлена рядом существенных ресурсных ограничений. Возможности проецирования военной мощи Москвы остаются ограниченными, несмотря на укрепление национальных вооруженных сил в последние годы. Россия серьезно уступает другим ведущим центрам силы (прежде всего, США, ЕС и Китаю) в инструментах финансово-экономического воздействия: ей не хватает привлекательности крупного внутреннего рынка.

В результате Россия не в состоянии выступать полноценным гарантом безопасности и стабильности ни для одного государства региона, каким был Советский Союз и каковыми остаются Соединенные Штаты для широкого круга стран, включая Израиль и Саудовскую Аравию. В этой связи не удивительно, что у России на Ближнем и Среднем Востоке нет ни одного союзника, который бы в полной мере следовал в русле ее политики (каким для СССР долгие годы оставалась Сирия).

Вместе с тем она обладает рядом очевидных преимуществ. Ее возможности влияния на политическую ситуацию в регионе связаны с ролью и статусом в ведущих международных институтах, воздействием посредством механизмов военно-технического и энергетического сотрудничества и даже слабо осознаваемым пока потенциалом на мировых продовольственных рынках.

В последнее десятилетие *российская дипломатия пошла по пути диверсификации круга партнеров в регионе*. На смену опоре на несколько ключевых стран, которая была характерной чертой советской политики, пришла широкая сеть связей с многочисленными игроками, включая непрямительственные. В этой схеме *чрезмерное сближение с одним или несколькими из них могут оказаться контрпродуктивными, поскольку ограничат возможность конструктивного диалога с другими*.

Многовекторность российской политики стала самостоятельным ресурсом дипломатии Москвы на Ближнем и Среднем Востоке. На фоне острых противоречий между региональными государствами и ведущими внерегиональными державами авторитет России, ее способность вести диалог даже с антагонистами, востребованы при урегулировании острых кризисных ситуаций. Убедительной иллюстрацией этого тезиса стала роль Москвы в достижении договоренности по сирийской химической программе. В условиях глубокого взаимного недоверия Соединенных Штатов и правительства Б. Асада, российская сторона выступила в качестве доверительного посредника и поручителя, обеспечившего постановку химического оружия под международный контроль и начало его уничтожения.

Существенные различия между странами региона, их экономическое и статусное расслоение, острые противоречия между ними предопределяют *выстраивание Россией индивидуальных моделей взаимодействия с каждым партнером*. Поддержание системы диверсифицированных партнерств требует постоянного дипломатического маневрирования и адаптации к быстро меняющейся обстановке.

Активизировавшийся в последнее время процесс смены политических режимов в ряде государств Ближнего и Среднего Востока под влиянием как внутренних выступлений, так и внешних интервенций создал дополнительные сложности при развитии сотрудничества. Новые правительства, как правило, стремятся легитимизировать себя в том числе за счет демонизации своих предшественников. В этом смысле наследие конструктивных отношений Москвы с прежними властями может осложнить установление контактов с новым руководством.

2

На фоне общей волатильности ближневосточного региона международное внимание с марта 2011 г. сосредоточено на конфликте в **Сирии** – противостоянии правящего режима Башара Асада и вооруженной оппозиции. Последняя по-прежнему представлена совокупностью разрозненных групп, несмотря на создание координирующего центра – Национальной коалиции оппозиционных и революционных сил Сирии (НКОРС).

В настоящее время не просматриваются реалистичные сценарии скорого прекращения вооруженного насилия в стране. Ведущие мировые державы, несмотря на заявления о необходимости мирного разрешения ситуации, не способны согласовать параметры консенсуса относительно мер стабилизирующего характера, а конфликтующие стороны не демонстрируют реального желания отказаться от вооруженной борьбы. Существующие противоречия нашли отражение в Совете Безопасности ООН, в рамках которого Россия и Китай «ветируют» резолюции, направленные на внедрение жестких санкций и создание возможности для международного военного вмешательства, а успехи правительственных войск в течение последнего полугодия при поддержке ливанских и иранских союзников были сбалансированы расширением помощи оппозиции со стороны западных доноров.

Значительное обострение положения произошло после взаимных обвинений

сторон в применении химического оружия в августе 2013 года, жертвами которого стали тысячи людей. Президент США Б. Обама недвусмысленно заявил о возможности военного удара по Сирии в случае подтверждения факта применения химического оружия правительственными войсками. В действительности, однако, поведение США, скорее, свидетельствовало о нежелании вмешиваться в конфликт, тем более что в настоящее время они не могут рассчитывать на широкую международную поддержку.

Заметим, что в американских внешнеполитических и экспертных кругах все большее распространение приобретает точка зрения, согласно которой и победа правительства Б. Асада, и приход к власти оппозиции, которая имеет тесные связи с исламистами, в равной степени неприемлемы для интересов Соединенных Штатов в регионе. В этих условиях откровенно выжидательная позиция Вашингтона представляется закономерной. Несмотря на то что в мае 2013 г. именно руководство США вышло с инициативой проведения международной конференции «Женева-2», предусматривающей переговоры по политическому урегулированию кризиса, оно не демонстрирует активных шагов по стимулированию сторон конфликта (прежде всего оппозиции) к участию в ней.

С действиями США резко контрастирует непреклонная позиция России, настаивающей на сугубо мирном разрешении конфликта с максимальным учетом интересов всех сторон. По сравнению с ситуацией в отношении войны в Ираке десятилетней давности складывается ощущение, что стороны поменялись местами. Вашингтон демонстрирует ловкое маневрирование, сравнимое с гибкой политикой Москвы в 2003 году, когда она стремилась отстоять свою точку зрения на осуществлявшуюся интервенцию и при этом не поссориться с заокеанским партнером.

Вместе с тем содержательное значение российской твердости серьезно отличается от американской напористости. Россия демонстративно противопоставляет

кооперативный многосторонний подход воинственному унилатерализму отдельных мировых держав. В этом отношении ее позиция по Сирии остается продолжением ее традиционного курса. Выжидательная позиция Вашингтона позволяет ей рассчитывать на возможность прервать череду прецедентов разрешения внутренних конфликтов путем вмешательства коалиций внешних игроков. В противовес им Россия активно поддерживает формат международной конференции по Сирии (Женева-2). Планируется, что на ней получат развитие принципы Женевского коммюнике «Группы действий» по Сирии от 30 июня 2013 года. Документ предусматривает мирное урегулирование конфликта на основе договоренности сторон при поддержке международного сообщества.

Стратегический интерес Москвы заключается в недопущении формирования в Сирии недружественного режима исламистского толка. В данном вопросе позиции Москвы и Вашингтона сходятся, что было продемонстрировано отсрочкой поставок американских вооружений сирийской оппозиции, которые стали осуществляться только в сентябре 2013 года (решение по этому вопросу было принято еще в первой половине года). Этот шаг Белого дома свидетельствует об опасениях США в связи с постепенным наращиванием влияния радикальных элементов в оппозиционном движении и сопряженными с этим угрозами.

Нарастает важность и еще одного мотива политики Москвы — экономической заинтересованности. По аналогии с опытом в Ираке и Ливии она опасается потери контрактов на поставки вооружений, которые сейчас оцениваются в 3,5 млрд. долл. и включают в себя ракетные комплексы, противокорабельные ракеты, авиацию. Кроме того, Россия не может не учитывать транзитную роль Сирии в конкурирующих газовых проектах. До начала конфликта Иран и Катар рассматривали планы строительства трубопроводов через территорию страны для экспорта «голубого топлива» в

Европейский Союз. В частности, Тегеран планировал начать реализацию проекта «Исламский газопровод» уже в 2011 году. В настоящее время подобные инициативы заморожены. Тем не менее не исключена их реализация в будущем — в случае стабилизации ситуации в Сирии.

С учетом ревностного отношения Москвы к любым начинаниям, которые могут ослабить ее позиции на европейском энергетическом рынке, сохранение влияния в Дамаске представляется существенным фактором воздействия на дальнейшее развитие архитектуры трубопроводов и в целом потенциала российской «трубопроводной дипломатии». *Вместе с тем экономические мотивы и приоритеты энергетической политики играют скорее дополнительную роль, в то время как определяющее значение в формулировании российской позиции имеют стратегические интересы.*

Очевидно, что с течением времени значение сирийского кризиса для России, как и для других игроков, будет возрастать с учетом уже инвестированного в него внимания и авторитета. Хотя Москва неоднократно заявляла, что сохранение существующего режима в Дамаске не относится к числу ее безусловных приоритетов, ей необходимо подтверждать репутацию надежного и предсказуемого партнера. Вот почему ей так трудно резко поменять курс в отношении действующего режима и отказаться от диалога с Дамаском.

В то же время репутация «главного союзника Б. Асада» ослабляет ее способность осуществлять ставшую уже традиционной многовекторную политику непредвзято-нейтрального партнера, не участвующего в «региональных склоках». России не удалось сохранить позитивные отношения с умеренной частью оппозиции. Ее принципиальная позиция уже отразилась на отношениях с Саудовской Аравией, Катаром, Турцией. Углубление кризиса оказывает существенное влияние на перспективы реализации политики России на Ближнем и Среднем Востоке, а не только отношений с самой Сирией.

З

После решения о поэтапном выводе американских войск из *Ирака*, принятого в декабре 2008 года, возникли предпосылки для расширения российско-иракского сотрудничества. Этому в первую очередь способствуют все более явно проявляющиеся противоречия между Багдадом и Вашингтоном. Консолидация власти в стране в руках шиитской политической элиты воспринимается Вашингтоном как неблагоприятное развитие событий, которое способствует укреплению в ней иранского влияния. С точки зрения США связанная с последним вероятность попыток ликвидации курдской автономии и дискриминации суннитского меньшинства создает угрозу хрупкой национальной стабильности.

Отмеченные противоречия дополняются расхождением во взглядах на будущее Ближнего Востока. В последние годы оно нашло выражение в разногласиях Ирака и США по иранской проблеме и сирийскому конфликту. В этом контексте возрастает заинтересованность нынешнего руководства в Багдаде в расширении пределов самостоятельности и снижении зависимости от Соединенных Штатов. Россия может быть полезна Ираку в укреплении его экономического потенциала через осуществление совместных энергетических проектов и для повышения его способности обеспечивать собственную безопасность.

В то же время реализация этого сценария возможна только после весомого подтверждения стремления к наращиванию сотрудничества с российской стороной. Первоначальным вкладом в развитие отношения стало списание в феврале 2008 г. 93% иракского долга России (12 млрд. долл.). Думается, что эта уступка окупилась вполне.

С 2009 г. взаимодействие России и Ирака получило масштабное экономическое наполнение. Значительные успехи были достигнуты в энергетическом и военно-техническом сотрудничестве. Сегодня на нефтяном рынке Ирака присутствуют три российские компании («Лукойл», «Газ-

промнефть» и «Башнефть»), осуществляющие 7 крупных проектов.

Символическим стало подтверждение в 2010 г. прав «Лукойла» в партнерстве с норвежской и иракской компаниями на освоение одного из крупнейших иракских месторождений «Западная Курна-2». До войны 2003 г. российская корпорация уже обладала правами на разработку в этой нефтеносной провинции, но лишилась их по решению новых властей после свержения С. Хусейна. В настоящее время после выхода из проекта одного из партнеров доля «Лукойла» в консорциуме достигла 75%. Разработка «Западной Курны-2» – один из крупнейших проектов в иракской нефтяной отрасли: к концу 2014 г. объём российских инвестиций в проект достигнет 3,7 млрд. долл., а в последующие 10 лет общий объём инвестиций должен составить 26 млрд. долларов. С 2012 г. «Лукойл» также осуществляет работы на месторождении «Блок 10» в партнёрстве с японской компанией «INPEX» и владеет 60% проекта.

С 2010 г. участником энергетических проектов в Ираке стала и компания «Газпромнефть». Она выступила оператором разработки месторождения «Бадра». «Газпромнефть» стала единственной компанией из России, проводящей работы в Иракском Курдистане. В 2012 г. она заключила соглашения о разделе продукции с правительством курдской автономии, по которым получила 80% долю в проекте «Шакал» и 40% в освоении месторождения «Гармиан» (аналогичной долей также владеет канадская «Western Zagros»). В 2013 г. ещё одним проектом компании в Курдистане стала разработка месторождения «Халабаджа», в котором «Газпромнефть» получила 80% долю.

В 2012 г. на иракский рынок пришла компания «Башнефть», для которой осуществление геологоразведочных работ на «Блоке 12» стало первым опытом зарубежной деятельности. Доля «Башнефти» в консорциуме зарубежных инвесторов составила 70%, вторым участником проекта стала британская «Premier Oil». Иракскую сторону в проекте представляет «South Oil Company».

Интерес к иракской нефтяной отрасли в настоящем времени проявляет «Роснефть». Она принимает участие в тендере на строительство нефтеперерабатывающего завода (НПЗ) в Насирии. В качестве наиболее вероятного партнёра Роснефти в этой заявке рассматривается китайская «CNPC». «Лукойл» предлагает Ираку альтернативный план по ликвидации дефицита нефтепродуктов в Ираке: вместо строительства НПЗ в Насирии компания была бы готова осуществлять переработку иракской нефти на российско-итальянском НПЗ «ISAB» на Сицилии. «Лукойлу» принадлежит 80% предприятия (остальные акции – у итальянской ERG), балансирующего на грани рентабельности. Загрузка мощностей ISAB иракской нефтью могла бы решить проблемы предприятия.

Успехи в энергетической отрасли в 2012 г. дополнил прорыв в военно-техническом сотрудничестве. Ирак и Россия заключили пакетное соглашение о закупках российского вооружения на сумму 4,2 млрд. долл. Согласно этому договору, Россия поставит Ираку вертолёты Ка-52 «Аллигатор», Ми-28НЭ «Ночной охотник», ЗРПК «Панцирь-С1». В ходе выполнения соглашения Россия может стать вторым по объёму поставок экспортером оружия после США. Этот контракт также имеет большое политико-символическое значение: он прерывает наметившуюся тенденцию ослабления российских позиций на оружейном рынке Ближнего и Среднего Востока после введения санкций СБ ООН против Ирана, свержения власти в Ливии и начала гражданского противостояния в Сирии.

Кстати говоря, обострение ситуации в Сирии с 2011 г. позволило придать дополнительное политическое измерение взаимодействию Москвы с Багдадом. У преимущественно шиитского руководства Ирака нет оснований желать падения сирийских властей и прихода к власти радикальной суннитской оппозиции. Практическим проявлением лояльности Багдада правительству Б. Асада остается транзит

иранской помощи Дамаску через иракское воздушное пространство. Несмотря на критику со стороны Соединенных Штатов, Ирак не создает препятствий для таких действий Тегерана.

Констатируя успехи России в развитии сотрудничества с Ираком, нельзя игнорировать сохраняющиеся сложности и ограничители. Прежде всего, противодействие развитию военно-технического сотрудничества оказывает та часть политического спектра страны, которая по-прежнему ориентируется на США и пользуется их политической поддержкой. Кроме того, эскалация напряжённости в Сирии создаёт сложности в отношениях России с суннитскими политиками Ирака, симпатизирующими вооружённой оппозиции. Наконец, нельзя переоценивать достижения России в развитии двухтрекового партнерства с центральным правительством и курдской автономией. Напряженные отношения между ними отражаются прежде всего на перспективах экономического сотрудничества. Багдад стремится исключить взаимодействие с зарубежными нефтяными компаниями, заключившими контракты с Эрбилем³. Правительство Ирака оценивает их как нарушение суверенитета страны, в связи с сохраняющимися противоречиями с Курдистаном относительно полномочий в этой сфере.

От сложившейся ситуации может пострадать «Газпромнефть», договорившаяся о реализации крупного проекта с центральным правительством (извлекаемые запасы нефти составляют 124 млн. т) и об осуществлении трех менее крупных – с властями автономии (общие извлекаемые запасы – 174 млн. т). В конце 2012 г. власти Ирака уже потребовали от российской компании либо выйти из освоения «Бадры», либо отказаться от сотрудничества с Курдистаном. «Газпромнефть» пока игнорирует претензии Багдада, но шансы сохранения ее участия во всех четырёх проектах, как представляется, невелики. В аналогичной ситуации американская «ExxonMobil» вынужде-

³ Столица Иракского Курдистана. – Прим. ред.

на была выставить свою долю в месторождении «Западная Курна-1» на продажу. Наконец, дополнительные риски для России создает сохранение внутривосточной нестабильности в Ираке, в особенности — перспективы интенсификации межконфессионального конфликта и возрастания террористической активности.

Так или иначе, российско-иракское взаимодействие сохраняет позитивную динамику, более того: существуют резервы дальнейшего роста. В частности, сохраняются возможности для возвращения в Ирак российских компаний, способных осуществлять техническую эксплуатацию и модернизацию инфраструктурных проектов (например, ТЭС), которые СССР и Россия осуществляли в стране в последнюю треть XX века. Кроме того, Ирак — перспективный рынок сбыта российской продукции с высокой добавленной стоимостью (гражданские самолёты, вертолёты, трубы, металлоконструкции, очистительные технологии) [Сенькович 2013].

4

Падение в начале 2011 г. в Египте режима Хосни Мубарака на волне мощных народных протестов направлялось рукой местных военных, одной из самых влиятельных групп в стране, традиционно выступающей в роли политического арбитра — и готовой жестко отстаивать свои экономические интересы. Вопреки многочисленным прогнозам, военные предоставили народу возможность осуществить демократическое волеизъявление, в результате которого при поддержке «Братьев-мусульман» летом 2012 г. к власти пришел Мухаммед Мурси. Новому президенту была обещана солидная финансовая поддержка со стороны США, стран Европейского Союза, государств Персидского залива и международных финансовых организаций [Федорченко 2013].

Впрочем, М. Мурси не удалось снизить градус противоречий между конфликтующими либерально-модернистской и религиозно-традиционалистской частями египетского общества. Более того, после крат-

косрочного сближения на основе общего неприятия власти военных наметилось растущее расхождение между салафитами, выступающими в качестве наиболее радикальной исламистской силы, и более умеренными «Братьями-мусульманами». Оно охватывает ключевые вопросы внутренней политики и стратегии страны на международной арене (прежде всего, на американском и израильском направлениях). При этом значительная часть населения не приветствовала даже ограниченную и постепенную исламизацию политической жизни страны и фактическую узурпацию президентом чрезвычайных полномочий.

На фоне череды политических кризисов 3 июля 2013 г. армия вновь выступила в роли арбитра и отстранила от власти уже М. Мурси. Обоснованием деятельности генералитета стали более 20 млн. подписей с требованием его отставки. В то же время этот шаг не мог не встретить противодействия многочисленных сторонников президента — по существующим оценкам, «Братьев-мусульман» поддерживает около трети египтян [Попов 2013]. Растущая поляризация египетского общества сделала неизбежной серию столкновений между сторонниками М. Мурси и силами безопасности.

Неожиданной для многих участников ситуации стала реакция Соединенных Штатов на развитие событий. Они выступили против состоявшегося военного переворота законно избранного президента страны. В практическом плане их недовольство политической ролью египетской армии проявилось в замораживании военной помощи. В этих условиях для участников смещения М. Мурси принципиальную важность приобрела задача поиска новых международных партнеров, которые бы позволили если не заменить Соединенные Штаты, то хотя бы отчасти компенсировать политические и экономические потери. Более того, провоцируя ревность США в связи с расширением контактов с третьими странами, новое руководство страны стремится подтолкнуть Вашингтон к пересмотру жесткой позиции.

Россия демонстрирует готовность сотрудничать с любыми политическими силами в Египте, до тех пор пока они способны сдерживать радикально исламистские силы. Показательным в этом плане стал конструктивный характер встречи президента России В.В. Путина с тогдашним лидером страны М. Мурси в апреле 2013 г. в Сочи. В сложившихся условиях «Братья-мусульмане» рассматривались как альтернатива откровенно экстремистским группам. После смены власти уже новое руководство делегировало своих представителей в Москву, где их также встречали доброжелательно.

Основным полем российско-египетского взаимодействия остается экономика. Политическая дестабилизация последних трех лет сопровождалась стремительным ухудшением социально-экономической ситуации. В этих условиях расширение экономического сотрудничества сулит не только коммерческие выгоды, но и политические экстерналии – оно способствует укреплению популярности ныне правящих сил.

Россия заинтересована в сохранении действующих контрактов с Египтом в стратегической нефтегазовой сфере и заключение новых – тем более что на сегодняшний день масштабы двустороннего сотрудничества в ней невелики. С 1995 г. в Египте ведет деятельность «Лукойл», разрабатывающий совместно с итальянскими партнерами по СП «Lukagip» – ENI и Mitsui – месторождение Мелейя. Контракт рассчитан на срок до 2024 года. За 2012 г. доля добытой на месторождении нефти, принадлежащей «Лукойлу», составила 71 тыс. тонн [Лукойл: Египет 2013]. В свою очередь ОАО «Газпром» в рамках долгосрочного контракта закупает сжиженный природный газ с египетского завода «Идку» и ведет переговоры с Каиром о возможностях расширения сотрудничества [«Газпром» и Египет... 2013].

В товарообороте большую часть египетского импорта из России (более 50%) составляет зерно. Россия обеспечивает до

40% потребностей этой страны в пшенице. В 2012 г. его было поставлено 5,2 млн. тонн – на сумму 1,5 млрд. долларов. Россия заинтересована в поддержании сотрудничества в агропромышленной сфере на столь же высоком уровне, а также в наращивании объемов участия российских компаний в инфраструктурных проектах в Египте. Примером подобного успешного проекта стала реализуемая с 2003 г. компанией «Силловые машины» совместно с австрийско-германской компанией «Voith Hydro» реконструкция Асуанской ГЭС, построенной с помощью СССР в 1960-1970-х годах. Дополнительный интерес российского бизнеса вызывает наращивание объемов инвестиций в сфере золотодобычи, сборки автомобилей и промышленной техники [Президенты РФ и Египта... 2013].

Россия заинтересована и в развитии военно-технического сотрудничества с Египтом. Его объемы, в отличие от советских времен, когда осуществлялись массовые поставки вооружения и подготовка советскими офицерами египетских специалистов, с 1972 г. остаются минимальными. В этой области безусловно доминируют США, оказывающие Египту значительную финансовую помощь и имеющие с ним долгосрочные контракты на поставку вооружений. Соединенные Штаты отнюдь не приветствуют закупку Египтом российской техники и в отдельных случаях оказывают прямое давление на власти страны с целью предотвратить заключение контрактов с Россией⁴.

Тем не менее заинтересованность в российской технике в Египте присутствует. Несмотря на противодействие США, в 2000-х годах египетской армией были приняты на вооружение модернизированные зенитно-ракетные комплексы «Печора-2М», комплексы «Тор-М1», «Бук-М1-2» и другие единицы вооружений. Очевидно, что потенциал развития двустороннего военно-технического сотрудничества достаточно велик.

⁴ Аналогичная ситуация сложилась и в сфере атомной энергетики, над которой США стремятся осуществлять принципиальный контроль.

Помимо экономических и имиджевых выгод для России, совместные проекты в научно-технической области, в сфере атомной энергетики и освоения космоса могут послужить хорошей основой для налаживания контактов с новыми властями Египта [Россия и «новые элиты»... 2013]. Отдельные шаги в этом направлении уже предпринимаются: на авиасалоне «МАКС-2013» «Рособоронэкспорт» заключил с Египтом соглашение по созданию спутника дистанционного зондирования Земли, производителем которого выступит корпорация «Энергия» [Россия запустит космический зонд... 2013].

Позитивным аспектом российско-египетского диалога остается его преемственность, несмотря на стремительную смену правящих группировок. В сложных обстоятельствах он остается вне перипетий внутривнутриполитической конкуренции. Дистанцированность Москвы от разворачивающейся в стране борьбы (на фоне активной вовлеченности других внешних игроков, таких как США, Саудовская Аравия, Катар) обеспечивает ей преимущества нейтрального наблюдателя.

5

Политическая система современной **Турции** остается продуктом противостояния светски ориентированной армейской верхушки и происламских политических сил в условиях демократической системы. Ее внешняя политика является отражением внутривнутриполитического противоборства. Интересам первой наиболее соответствует европейская ориентация Турции с перспективой полной интеграции в структуру Европейского Союза. На алтарь этой цели когда-то Кемаль Ататюрк принес в жертву идею возрождения Османской империи, железной рукой воздвигая основы светского государства. Тем не менее сегодня общественные настроения и политический ландшафт в Турции претерпевают серьезные изменения.

Все больше укрепляется ближневосточный вектор политики страны. Анкара стремится усилить свои позиции и претендует на

статус региональной державы. В основе подобного разворота лежат преимущественно экономические факторы, связанные с конкурентными преимуществами ряда турецких предприятий, выигравших от модернизации последнего десятилетия. Более того, в настоящее время Турция позиционирует себя в качестве работающей модели для региона, в котором многие страны сталкиваются с вызовами стабильности. На фоне соседей опыт гармоничного сочетания религиозного и светского начал в политике Анкары, как и ее значимые успехи в экономике, выглядят привлекательно.

Страна не только имеет сильную армию, численность которой превосходит вооруженные силы всех союзников по НАТО, за исключением США, но и активно обеспечивает свои интересы экономическими и политическими средствами. Становление Турции в качестве ведущей региональной державы уже сегодня следует признать свершившимся фактом, хотя бы из расчетов объема ее экономики (1-е место в регионе).

Парадоксальным образом взаимодействие России с усилившейся в 2000-х годах Турцией, во главе которой стоят умеренные исламисты, складывается более конструктивно, чем отношения в 1990-х годах со светскими правительствами, когда националистически ориентированное руководство страны вынашивало обновленную версию пантюркистских устремлений. Смягчению политических противоречий между государствами способствовала активизация энергетического сотрудничества.

Стремительное укрепление экономики в последнее десятилетие и превращение Турции в один из восходящих рынков обострили внешнюю энергетическую зависимость страны. Согласно данным на 2009 г. она импортировала 98% потребляемого природного газа, а в 2010 г. лишь на 13% обеспечивала себя нефтью. Государственная энергетическая корпорация ТРАО занимается активной геологоразведкой на территории страны (в среднем в год находится 2-3 новых нефтепромысла) и стремится к осуществлению международной экспансии (в частности, ей принадлежит несколько

нефтяных полей в Казахстане) [Demirbas, 2010: 1455]. Тем не менее этой деятельности недостаточно для обеспечения энергетической безопасности. *Внешняя энергозависимость становится препятствием на пути дальнейшего развития Турции, создавая к тому же перманентный дефицит платежного баланса.*

Основная часть потребляемой нефти импортируется из Ирана (43%) и России (20%). На Россию приходится 55% удовлетворения потребностей Турции в газе. В 2000-х годах масштабы сотрудничества с Россией по поставкам этого энергоносителя стремительно росли в результате опережающего увеличения спроса на электроэнергию, вырабатываемую с помощью газа. Зримым воплощением взаимодействия двух стран стала прокладка трубопровода «Голубой поток» по дну Черного моря [Tsereteli 2005].

В то же время в последние годы нарастающая зависимость Анкары от российских поставок углеводородов стала предметом озабоченности турецких политиков. Более того, в условиях ужесточения конкуренции на энергетическом рынке Турция стала стремиться к превращению в крупнейший транзитный центр углеводородного сырья, агрегирующий поставки со всего Ближнего и Среднего Востока, Каспийского региона, Центральной Азии и занимающегося его реэкспортом в Европу. Подобные планы противоречат стремлению России сохранить свои позиции на приоритетном для себя европейском энергетическом рынке. Закрепление же Турции в этой роли позволило бы обеспечить ей ведущее положение на энергетических рынках и превратить ощутимую слабость, связанную с зависимостью от внешних поставщиков, в конкурентное преимущество. Оно смогло бы расширить инструментарий не только экономического, но и политического влияния Анкары в отношениях с Европейским Союзом и ослабить ее заинтересованность в укреплении сотрудничества с Россией.

В этой связи Турция выступала активным участником и лоббистом проектов

строительства трубопроводов из стран Центральной Азии в Азербайджан и со своей территории далее в Европу. С Азербайджаном страна уже связана ниткой Баку-Тбилиси-Эрзерум. В последнее время на фоне отсутствия достаточных средств как у самой Анкары, так и ее европейских партнеров, с учетом охлаждения ЕС в принципе к идее поставок каспийских энергоносителей, а также в результате переориентации стран Центральной Азии на китайский рынок, перспективы реализации таких планов снижается.

Параллельно в качестве второго трека обозначенной стратегии превращения в энергетический «хаб» Турция стремится интенсифицировать сотрудничество с Ираном. В 2007 г. был подписан турецко-иранский договор о сотрудничестве по поставкам природного газа, вступивший в силу тремя годами позже. На основании этого документа Турция приобрела возможность получать жизненно важный для ее экономики природный газ с иранского месторождения «Южный Парс». При этом ей удалось договориться о том, что Турция получает право продавать добываемые природные ресурсы третьим странам. Таким образом, получило воплощение ее стремление укрепить позиции на европейском энергетическом рынке. В планах Анкары инвестиции в проект 4 млрд. долл. [Гаджиев 2010].

Вместе с тем сотрудничество Турции с Ираном отягощено целым рядом проблем. Тегеран испытывает значительные экономические сложности и сталкивается с международной изоляцией. В этих условиях он вряд ли может рассматриваться в качестве стратегического партнера. К тому же если Россия проявила себя в качестве надежного поставщика, то Иран регулярно задерживает выполнение подписанных контрактов. При этом у Тегерана отсутствуют достаточные финансовые ресурсы для развития необходимой инфраструктуры и успешной конкуренции с Москвой. В результате газопровод Табриз – Эрзерум – Анкара не используется на полную мощность.

В целом российские позиции на турецком энергетическом рынке выглядят устойчивыми. Существующая экономическая взаимозависимость проецируется на относительно благоприятное развитие политического диалога, несмотря на серьезные расхождения взглядов двух стран в отношении дальнейшей эволюции Ближнего Востока и в меньшей степени – Центральной Азии.

Б

Современный *российско-израильский диалог* был инициирован сравнительно недавно – в 1991 году, после того как были восстановлены разорванные в 1967 году дипломатические отношения. На фоне активного развития сотрудничества России с рядом государств, которые рассматриваются Тель-Авивом в качестве противников, трудно было ожидать, что взаимодействие двух стран будет носить конструктивный и интенсивный характер. В то же время Россию и Израиль объединяет стремление к поддержанию стабильности на Ближнем и Среднем Востоке. Для Тель-Авива этот вопрос представляет жизненную важность.

В этой связи лидеры обеих стран обращают внимание на проблему распространения радикального ислама [Морозов 2013]. Стремление противодействовать этому процессу способствует укреплению взаимной заинтересованности. В то же время в практическом плане подходы двух стран зачастую расходятся, что связано с неодинаковой оценкой степени угроз. Последнее явственно проявилось на фоне недавних социально-политических выступлений в странах Ближнего Востока. В то время как Россия стремилась отстаивать сохранение у власти существующие режимы, используя для этого имеющиеся дипломатические, экономические, военнотехнические возможности, Израиль занимал более осторожную позицию. С учетом его негативного восприятия в арабских странах и необходимости поддерживать удовлетворительные отношения с соседями он, по большей части, сохраняет вынужденную пассивность.

В ряде случаев в риторике израильского руководства прослеживается недовольство российским сотрудничеством с недружественными Тель-Авиву режимами. В частности, большой резонанс приобрели планы поставок российских комплексов противовоздушной обороны С-300 в Сирию. Министр стратегического планирования Юваль Штайниц раскритиковал заявления Москвы о том, что российское оружие может быть использовано сугубо в оборонительных целях. По его оценкам, «Радиус действия С-300 приближается к 200 километрам, позволяя ей атаковать самолеты глубоко внутри Израиля. Это система не обороны, а нападения, и она нам угрожает». Еще более жесткую оценку дал министр обороны Моше Яалон, который заявил, что Израиль «будет знать, как действовать», если Россия не прекратит поставки – эти слова могут быть интерпретированы как непосредственная угроза использовать силу, чтобы помешать поставкам.

В то же время весьма показательным, что премьер-министр стран Б. Нетаньяху довольно быстро пресек жесткую риторику, запретив министрам комментировать российские поставки [Премьер Израиля запретил министрам ... 2013]. Подобный шаг свидетельствует о готовности израильского руководства смириться с многовекторностью российской стратегии в регионе и препятствовать негативным для него проявлениям такой политики в формате диалога. Действительно, вопрос о поставках стал предметом обсуждения на встрече премьер-министра Израиля Биньямина Нетаньяху и президента России Владимира Путина в мае 2013 года [Россия и Израиль обсудили ... 2013]. Оно позволило снизить израильские озабоченности. Подобный пример демонстрирует гибкость дипломатии обеих стран.

Политический диалог между Россией и Израилем в последнее время встраивается в более широкий контекст двусторонних отношений. Торгово-экономическое сотрудничество на данный момент носит ограниченный характер, но с обеих сторон интенсифицировались усилия по их даль-

нейшему развитию. По оценкам российского посла в Израиле С.Я. Яковлева, товарооборот между странами постоянно увеличивается (за 4 месяца 2012 года он достиг 960 млн. долл.). Он также подчеркнул, что хорошие результаты экономической деятельности заметны в сельском хозяйстве, а также в сфере высоких технологий, в том числе по линии «РОСНАНО», Фонда «Сколково», совместных проектов в области космических исследований и транспортного строительства [Торговые отношения РФ и Израиля ... 2012]. В 2012 г. по инициативе израильских властей началось обсуждение возможности создания зоны свободной торговли между странами [Израиль хочет в свободную зону ... 2012]. Несмотря на то что сегодня перспективы реализации такого проекта остаются трудно просчитываемыми, показательна сама интенция укреплять экономическое сотрудничество. С учетом высокого уровня технологического развития Израиля реализация подобных планов представляется интересной для России в контексте ее устремлений повышения качества экономики. В свою очередь для Тель-Авива она может стать достаточно крупным рынком.

Подтверждением благоприятной динамики отношений становится расширяющийся список инициатив в культурно-гуманитарной области. Символом сближения России и Израиля стало открытие в июне 2012 г. Мемориала Победы в Нетании, на котором присутствовал президент России В.В. Путин, президент и премьер Израиля. Ответным шагом стало участие высокопоставленных представителей Тель-Авива (прежде всего президента страны) в открытии Еврейского музея толерантности в ноябре того же года. Культурный аспект сотрудничества занимает существенное место в отношениях между странами и позволяет демонстрировать позитивный настрой на развитие отношений. Это связано как с тем, что Израиль высоко ценит вклад СССР в победу во Второй мировой войне, так и с тем, что в стране существует крупная диаспора выходцев из постсоветских

стран. Именно культурный аспект может стать позитивной точкой отсчета для формирования прочных двусторонних связей [Бочаров 2013].

Реалистично оценивая отношения Москвы и Тель-Авива, необходимо учитывать приоритетность для Израиля отношений с Соединенными Штатами. США остаются его крупнейшим донором, ежегодно представляющим военную помощь на сумму 3 млрд. долларов. В результате любые действия Израиль всегда будет осуществлять с оглядкой на Вашингтон. В то же время продолжающаяся радикализация региона стимулирует дальнейшее укрепление российско-израильских связей.

* * *

В российской и зарубежной прессе нередко проводится точка зрения о слабости российского присутствия на Ближнем и Среднем Востоке, постулируется мысль об истончении влияния Москвы на события и процессы в регионе. В отечественных изданиях консервативной направленности она зачастую сопровождается ностальгией по временам активной советской политики в регионе. В либерально-критических публикациях — неслучайными сравнениями с Соединенными Штатами и рассуждениями о бесперспективности российских попыток конкурировать с Западом в этой части мира. В такого рода суждениях упускается внутренняя логика российской политики в отношении Ближнего и Среднего Востока, признание ее самооценности с точки зрения интересов страны. Кроме того, сопоставление советского и российского влияния в регионе некорректно с учетом качественно другой конфигурации присутствия страны.

У России сегодня действительно нет твердых союзников на Ближнем и Среднем Востоке, каковыми для СССР последовательно выступали сначала Египет, а потом Сирия. Но и круг ее постоянных противников уже: ни Израиль, ни Иран, ни Турция, ни монархии Персидского залива не входят в их число. Со всеми ними удастся поддерживать порой трудный, но конструктивный диалог.

Периодически наблюдаются срывы в подобном взаимодействии, которые и становятся предметом подробного и пристрастного обсуждения политиков и СМИ. Например, сегодня наблюдается явное «проседание» отношений с Саудовской Аравией и Катаром на фоне серьезных разногласий по Сирии (а прежде еще и по Ливии). Тем не менее подобные срывы — явление, очевидно, временное. Они априори заложены в логику многовекторного сотрудничества с государствами региона.

Постоянный противник для России на Ближнем и Среднем Востоке, по сути, только один — радикальный исламизм. И это в долгосрочной перспективе сближает ее политику с интересами других государств региона, которые пусть в разной степени, но разделяют ее опасения. В этом отношении Россия готова к кооперации, в том числе с той частью исламистского движения, которая отказывается от идеи идеологической экспансии в ее непосредственном ареале. Такая позиция проявляется и в отношениях с нынешним турецким правительством, и с представителями движения «Братьев-мусульман».

Более того, опыт последних нескольких лет подтверждает, что российское присутствие в регионе востребовано и в более широком плане. Москва воспринимается в качестве внешнего игрока, кооперация с которым способствует повышению самостоятельности государств Ближнего и Среднего Востока во внутренней и международной политике. Хотя Россия по своим объективным параметрам, естественно, не может выступать противовесом США, страны региона используют сотрудничество с ней для того, чтобы диверсифицировать собственный портфель международных и внешнеэкономических связей.

Особенно ценным для них представляется отсутствие увязывания экономических связей с политическими целями. Показательно, что российская стратегия многовекторной дипломатии, как правило, не распространяется на сотрудниче-

ство с оппозиционными силами внутри стран региона. Периодически российская политика в этом отношении критикуется как недалновидная, с учетом нестабильности государств и возможности кардинальной смены режима в государствах-партнерах.

Вместе с тем опыт последнего десятилетия свидетельствует, что бывшая оппозиция, придя к власти, в течение всего пары лет, а иногда и более короткого времени забывает свои нелестные высказывания о России и начинает с большим уважением относиться к ее политике невмешательства. И опять: в данном случае принципиально то, что краткосрочные потери заложены в логику российской стратегии, с ними нужно мириться, исходить из того, что Москва готова «играть в долгую».

Перечисленные преимущества российской политики не должны затемнять в анализе ее фундаментальные слабости. За вычетом возможностей дипломатической представленности и наличия связей с широким кругом партнеров, ресурсная база ее действий в регионе остается весьма ограниченной и специализированной. Россия опирается, прежде всего, на свои компетенции в энергетическом секторе и на возможности военно-технического сотрудничества. Потенциал расширения инструментария российской экономической привлекательности присутствует, но носит ограниченный, нишевой характер. В этом отношении стоит упомянуть влияние России на продовольственные рынки как одного из крупнейших поставщиков зерна, возможности развития космического сотрудничества, конкурентоспособность в сфере энергетического, прежде всего, атомного машиностроения и авиационной промышленности.

Тем не менее, в поддержание достигнутых экономических и политических позиций Россия вынуждена опираться, в первую очередь, на дипломатическую искусность и умелое политическое маневрирование, для которых хозяйственные связи выступают полезным подспорьем.

Список литературы

- Бочаров Ю.Б.* Концептуальный анализ современной фазы развития взаимоотношений между Россией и Израилем // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО №1 2013
- Вашингтон блокирует военную помощь сирийским повстанцам // РСМД. [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2099#top.
- Внешняя политика и безопасность: Израиль вообще не сможет заключать с Европой какие-либо соглашения // Regnum. 17 июля 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.regnum.ru/news/1685019.html#zagolovok#ixzz2dDVIXb7f>
- Гаджиев А.Г.* К вопросу о турецко-иранских отношениях на современном этапе // Институт Ближнего Востока. 2010. 7 апр. [Электронный ресурс]: режим доступа <http://www.iimes.ru/?p=10418>
- Газпром и Египет рассмотрели вопросы развития сотрудничества // Портал ОАО «Газпром». 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gazprom.ru/press/news/2013/april/article160332>.
- Готов ли Иран к переменам? // РСМД. [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2192#top.
- Иванов И.* Переговоры с Тегераном получили шанс // РСМД. [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2190#top.
- Израиль хочет в свободную зону торговли с Россией // Известия 5 июля 2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://izvestia.ru/news/529310>
- Иран ждет ответ от РФ на предложение отозвать иск по С-300 // Центр анализа мировой торговли оружием. [Электронный ресурс]. URL: <http://armstrade.org/includes/periodics/news/2013/0607/171518804/detail.shtml>.
- Иран может пойти на уступки по ядерной проблеме // РИА-Новости. [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/world/20130807/954907200.html>.
- Касаев Э.* Ирак: инвестиционный климат и интересы России. // Индекс безопасности. – 2009. – № 1 (88). С. 59 – 74.
- Кулюшин Н.* Хасан Роухани – абсолютно системный выбор // РСМД. [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2188#top.
- Лукойл в Египте // Портал «ЛУКОЙЛ-Оверсиз». 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://lucoil-overseas.ru/projects/egipet>.
- Лукьянов Ф.А.* Израильский цугцванг // Россия в глобальной политике. 21 Ноября 2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.globalaffairs.ru/redcol/lzrailskii-tcugtcvang-15751>
- Морозов В.* Израиль и средиземноморская безопасность // Международные процессы. – 2013. – №1.
- Попов В.В.* Египет: «Братьев-мусульман» по-прежнему поддерживает примерно треть населения // Портал МГИМО. 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document241069.phtml>.
- Премьер Израиля запретил министрам говорить об С-300, сообщают СМИ // РИА Новости 29 мая 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/world/20130529/940084042.html>
- Проекты резолюций Совбеза ООН по Сирии подают знаки // Радио «Голос России». [Электронный ресурс]. URL: http://rus.ruvr.ru/radio_broadcast/no_program/83999907/.
- Россия и «новые элиты» стран «арабской весны»: возможности и перспективы взаимодействия: рабочая тетр. М.: Спецкнига, 2013.
- Россия и Израиль обсудили Сирию за закрытыми дверями // РИА Новости 15 мая 2013 [Электронный ресурс]. URL: http://ria.ru/arab_riot/20130515/937366867.html
- Сенькович В.* О возможностях освоения рынка Ирака российскими компаниями. // РСМД. 14 мая 2013 г.[Электронный ресурс]. URL:http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1806#top
- США готовы к военному вмешательству в Сирии // Российская газета. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2013/08/25/pentagon-anons.html>.
- Торговые отношения РФ и Израиля постоянно развиваются, за 4 месяца 2012 года товарооборот достиг 960 млн долларов – посол РФ в Израиле // Бизнес ТАСС 10 июля 2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.biztass.ru/news/id/30526>
- Федорченко А.* Ближний Восток: ориентиры российской внешней политики // Военные материалы. [Электронный ресурс]. URL: <http://warfiles.ru/show-21092-blizhniy-vostok-orientiry-rossiyskoj-vneshney-politiki.html>
- Федорченко А.* Сирия: внутренние и внешние противники Асада // Меганпресса. [Электронный ресурс]. URL: www.megapressa.ru/siriya-vnutrennie-i-vneshnie-protivniki-asada.html.
- Brzezinski on the Syria Crisis // The National Interest. 24.06.2013 / <http://nationalinterest.org/commentary/brzezinski-the-syria-crisis-8636>
- Demirbas A.* The Role of Turkey Within Petroleum Between the Caspian Sea Basin and the Middle East // Energy Sources Part A: Recovery, Utilization, and Environmental Effects. 2010. 32:15. P. 1455

- Economic Growth Moderates Across Middle East. IMF Survey. 21.05.2013 / <http://www.imf.org/external/pubs/ft/survey/so/2013/car052113a.htm>
- Iran waits for Russian response to the proposal to withdraw the claim on the C-300 // Centre for Analysis of World Arms Trade. [Electronic resource]. URL: <http://armstrade.org/includes/periodics/news/2013/0607/171518804/detail.shtml>.
- Russia and Iran: An Anti-Western Alliance? // Stanford University. [Electronic resource]. URL: <http://www.stanford.edu/~amilani/downloads/CurrentHistory1.pdf>
- Russia in the Syrian Conflict // Centre for Security Studies. [Electronic resource]. URL: <http://www.css.ethz.ch/publications/pdfs/RAD-128.pdf>.
- Tsereteli M.* The Blue Stream Pipeline and Geopolitics of Natural Gas in Eurasia // The Central Asia – Caucasus Analyst. [Electronic resource]. URL: <http://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/10483-analytical-articles-caci-analyst-2005-11-30-art-10483.html>
- Turkey seeks negotiated end to anti-government protests // Reuters.com. [Electronic resource]. URL: <http://www.reuters.com/article/2013/06/13/us-turkey-protests-idUSBRE9590QA20130613>

RUSSIA'S UNEXPECTED PARTNERSHIPS IN THE MIDDLE EAST

ANDREY BAYKOV, IGOR ISTOMIN (eds.)⁵

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Moscow, 119454, Russian Federation

Abstract

The current report is part of a series of analytical papers, studying the current Russian foreign policy strategy, prepared by the “Club for Study Analytics”. The broader aim of the project is to explore significant, but less studied, aspects of Russian international affairs in order to provide a deep and coherent explanation of its foreign relations (as opposed to the simplistic assessments often spread through the press) and to formulate proposals on its further advancement. The analysis confirms that Russian activity in the Middle East reflects the real and urgent need to promote stability in the volatile environment, yet its specific content emerges in the process of the dynamic search for the most efficient ways to satisfy this demand. Despite the fact that the region is absent in the list of top priorities in official documents, it remains the source of substantial challenges to Russian interests and its national security. First and foremost, Moscow is concerned with the advancement of radical jihadists in the Middle East. Moreover, the region became the training ground for attempts by certain centers of power to introduce new rules of international interaction. Russia openly opposes these efforts, yet the foundation of the Russian policy in recent years is the aspiration to strengthen cooperative relations with most of the players in the region. While there still are major controversies and even antagonism between the countries of the Middle East, such a strategy assumes flexible maneuvering. It also demands preparedness to the risks of certain fallbacks in relations with particular players, which could be compensated by long-term benefits. Due to the proactive network diplomacy and political maneuvering Russia is able to promote its interests despite the shortage of economic and military resources. The mate-

⁵ Contributors to the report include Bardin A.L., Egorov A.E., Zhdanov P.A., Kanevskij P.S., Mizyurkin Yu.A., Musaeva L.A., Novikova V.M., Pakhalyuk K.A., Petukhova E.A., Putintsev I.S. Edited by Dr Andrey Baykov and Dr Igor Istomin. The report is prepared as part of the “Club for Study Analytics” project.

rial foundations of the Russian presence in the region remain limited to its competencies in the energy sphere, as well as military and technical cooperation, cooperation in space, food supplies, and aviation supplies.

Keywords:

foreign policy strategy, social and political protests, international political region, hydrocarbon resources, military cooperation, internal conflicts.

References

- Bocharov Y. 2013. Kontseptualny analiz sovremennoy fazi razvitiya vsaimootnocheny mezhdy Rossiei i Izrailem [Conceptual analysis of modern faze of Russia – Israel relation]. *Ekonomica, statistica i informatika. Vestnik UM*. № 1.
- Brzezinski on the Syria Crisis. *The National Interest*. 24 Jun. 2013. Available at: <http://nationalinterest.org/commentary/brzezinski-the-syria-crisis-8636> (accessed 23.11.2013);
- Demirbas A. The Role of Turkey Within Petroleum Between the Caspian Sea Basin and the Middle East. *Energy Sources Part A: Recovery, Utilization, and Environmental Effects*. 2010. 32:15. P. 1455
- Economic Growth Moderates Across Middle East. *IMF Survey*. 21. May 2013. Available at: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/survey/so/2013/car052113a.htm> (accessed 19.11.2013)
- Fedorchenko A. Blizhniy Vostok: orientiry rossiyskoy vneshney politiki [Middle East: guidelines for Russian foreign Policy]. *Military data*. 7 Jan. 2013. Available at: <http://warfiles.ru/show-21092-blizhniy-vostok-orientiry-rossiyskoy-vneshney-politiki.html> (accessed 23.11.2013).
- Fedorchenko A. Siria: vnytrennie i vneshnie protivniki Asada [Syria: Assad internal and external foes]. *Megapress*. Available at: www.megapressa.ru/siriya-vnytrennie-i-vneshnie-protivniki-asada.html (accessed 23.11.2013).
- Gadzhiev A. 2010. O voprosy o turetsko-iranskich odnoscheniyh na sovremennom etape [About modern Turkey – Iran relations]. *Institut Blizhnego Vostoka*. 7 April 2010. Available at: <http://www.iimes.ru/?p=10418> (accessed 23.10.2013).
- Gazprom i Egipet passmotreli voprosy razvitiya sotrudnichestva [Gazprom and Egypt have considered cooperation issues]. *JSC "Gazprom"*. 2013. Available at <http://www.gazprom.ru/press/news/2013/april/article160332> (accessed 23.10.2013).
- Iran mozhet poyti na ustupki po yadernoy problem [Iran could make concessions on the nuclear issue]. *RIA-Novosti*. 7 August 2013. Available at: <http://ria.ru/world/20130807/954907200.html> (accessed 12.10.2013).
- Iran waits for Russian response to the proposal to withdraw the claim on the C-300. *Centre for Analysis of World Arms Trade*. Available at: <http://armstrade.org/includes/periodics/news/2013/0607/171518804/detail.shtml>. (accessed 23.10.2013).
- Gotov li Iran k peremenam [Is Iran Ready for Change?] *Russian International Affairs Council*. Available at: http://russiancouncil.ru/en/inner/?id_4=2208#top (accessed 23.11.2013).
- Ivanov I. 2013. Peregovory s Tegeranom poluchili shans [Negotiations with Teheran: chance to gain]. *Russian International Affairs Council*. Available at: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2190#top (accessed 23.11.2013).
- Kulyushin N. 2013. Hassan Rouchani – absolutno sistemny vybor [Hassan Rouhani is an absolutely logical choice]. *Russian International Affairs Council*. Available at: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2188#top (accessed 23.11.2013).
- Lukoil v Egipte [Lukoil in Egypt]. "Lukoil-Overseas". 2013. Available at: <http://lukoil-overseas.ru/projects/egipet> (accessed 23.11.2013).
- Morozov V. 2013. Israil i sredisemnomorskaya bezopasnost' [Israel and Mediterranean Security]. *Mezhdynarodnye protsessy*. No. 1.
- Popov N. 2013. Egipet: Vratiev-musulman po-prezhnemu podderzhivaen primerno trer naselenya [Egypt: the Muslim Brotherhood still enjoys support of approximately one third of Egyptians]. *MGIMO-University*. Available at: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document241069.phtml>. (accessed 23.11.2013).
- Russia and Iran: An Anti-Western Alliance? *Stanford University*. Available at: <http://www.stanford.edu/~amilani/downloads/CurrentHistory1.pdf> (accessed 23.11.2013).
- Tossiia i novye elity stran arabskoy vesny: vozmozhnosti i perspektivy vzaimodeystvia [Russia and the new elites of "Arabian spring" countries: opportunities and prospects for interaction]: workbook. M.: Spetskniga, 2013.
- Russia to launch a space probe for Egypt in late 2013. *Business News Agency*. 2013. Available at: URL: <http://www.abnews.ru/?p=novosti91&news=132680> (accessed 23.11.2013).

- Russia's opportunity is to take advantage of the differences. *Russian International Affairs Council*. Available at: http://russiancouncil.ru/en/inner/?id_4=1646#top (accessed 23.11.2013).
- Senikovich V. 2013. O vozmozhnostyah osvoiniya rinka Iraka rossiyskimi kompaniyami [About possibilities to enter Iraq market for Russian companies]. *RSMD*. 2013. 14 May. Available at: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1806#top (accessed 23.11.2013).
- Tsereteli M. 2005. The Blue Stream Pipeline and Geopolitics of Natural Gas in Eurasia. The Central Asia – Caucasus Analyst. Available at: <http://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/10483-analytical-articles-caci-analyst-2005-11-30-art-10483.html> (accessed 23.11.2013).
- Turkey seeks negotiated end to anti-government protests. *Reuters.com*. Available at: <http://www.reuters.com/article/2013/06/13/us-turkey-protests-idUSBRE9590QA20130613> (accessed 23.11.2013).
- Proekty rezolitsiy Sovbezs OON podayut nekotorie znaki [UN Security Council Resolutions show some signs] *Radio "GolosRossii"*. [Electronic resource]. Available at: http://rus.ruvr.ru/radio_broadcast/no_program/83999907/ (accessed 23.11.2013).
- SHA gotovy k voennomy vmeshatelstvy v Sirii [US is ready to take action against Syria]. *Rossiiskaygazeta*. Available at: <http://www.rg.ru/2013/08/25/pentagon-anons.html> (accessed 23.11.2013).
- Vashington blokiruet voennuyu pomosch siriyским povstantsam [Washington blocks military aid to Syrian rebels]. *Russian International Affairs Council*. Available at: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2099#top (accessed 23.11.2013).